

Попытки русского сознания. Сентиментализм и Карамзин

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М. Н.

Карамзин был по преимуществу человеком чувства и потому-то в нем виднее всего ошибки чувства и тех увлечений, в которые оно уходит, если не встречает проверки в мысли.

Первое и роковое влияние на всю жизнь имел на Карамзина новиковский кружок и масонство. Дмитриев в своих "Записках" говорит, что Карамзина ввел в новиковский кружок И. П. Тургенев, один из деятельнейших членов "Дружеского общества", и в этом кружке "он воспитался окончательно под влиянием друга своего Александра Петровича Петрова"¹. "Я как теперь вижу, -- говорит Дмитриев, -- скромное жилище молодых словесников: оно разделено было тремя перегородками; в одной стоял на столе, покрытом зеленым сукном, гипсовый бюст мистика Шварца, умершего незадолго перед моим приездом из Петербурга в Москву, а другая освещалась Иисусом на кресте, под покровом черного крепа". Хотя и неизвестно, в чем именно заключались отношения Карамзина к масонскому кружку, но тесное сближение с известным масоном Кутузовым и с Петровым не позволяет сомневаться в действительности сильного влияния масонства, мистицизм, сентиментализм и идеализм которого отразились уже в "Письмах русского путешественника". Говорят, что самое путешествие Карамзина за границу находилось в связи с его отношением к новиковскому кружку. Если это мнение даже и неверно, то все-таки не подлежит сомнению, что Карамзин, по словам Дмитриева, горел перед своей поездкой "пламенным рвением к усовершенствованию в себе человека".

В "Письмах русского путешественника" читаем: "Щастливые Швейцары! всякий ли день, всякий ли час благодарите вы Небо за свое щастие, живучи в объятиях прелестной Натуры, под благодетельными законами братского союза, *в простоте нравов и служа одному Богу?* Вся жизнь ваша есть конечно приятное сновидение, и самая роковая стрела должна кротко влетать в грудь вашу, *не возмущаемую тиранскими страстями...* Ах! Естли бы теперь, в самую сию минуту, надлежало мне умереть, то я со слезою любви упал бы во всеобъемлющее лоно Природы, с полным уверением, что она зовет меня к новому щастию; что изменение существа моего есть возвышение красоты, перемена изящного на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда когда я духом своим возвращаюсь в первоначальную простоту натуры человеческой, когда сердце мое отвергается впечатлениям красот Природы, -- чувствую я то же, и не нахожу в смерти ничего страшного". Описывая, как он остановился подле одной хижины на берегу чистого ручья и попросил у пастуха напиться, Карамзин говорит: "Я взял чашку, и если бы не побоялся пролить воды, то, конечно бы, обнял добродушного пастуха, с таким чувством, с каким обнимает брат брата: столь любезен казался он мне в эту минуту! *Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями* Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни... чтобы возвратиться в первобытное состояние человека... С сими мыслями пошел я от пастуха; несколько раз оборачивался назад и приметил, что он провожает меня взорами своими, в которых написано было желание: поди, и будь щастлив! Бог видел, что и я от всего сердца желал ему щастия, *но он уже нашел его!*"

Другие два произведения Карамзина, имевшие вместе с "Письмами русского путешественника" такое огромное влияние на общество, были "Бедная Лиза" и "Наталья, боярская дочь". Лиза -- "прекрасная телом и душою поселянка", в которую влюбляется добрый, но слабый и ветреный дворянин Эраст. Слабый и ветреный Эраст, увидев Лизу, стал мечтать, подобно Карамзину в Швейцарии, о тех временах, когда пастухи были братьями и когда "все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни проводили". Вообразив такие, никогда не существовавшие времена, Эраст забывает о своем дворянском происхождении, отрешается от всех социальных условий и предрассудков и предлагает Лизе руку и сердце². Но одно непредвиденное обстоятельство помешало Эрасту поступить, как следовало. Обаятельный полумрак вечера, когда "никакой луч не мог осветить заблуждения", довел Лизу и Эраста до такого головокружения, что затем уже не было никакой необходимости в браке и обманутая Лиза бросилась в пруд³. В "Наталье" Карамзин идеализирует старинный русский быт, когда наши бояре тоже,